

Айрис объясняет

Лэнс Паркин

Перевод ssv310

— Доктор! Здравствуй, дорогой!

Автобус Доктор не заметил. Во всяком случае, не сразу. Через несколько секунд он бы его увидел — огромный сверкающий старомодный красный лондонский двухэтажный автобус, стоявший перед его домом. Ещё позже, примерно через час, до него бы дошло, что автобус не мог проехать в его узкие ворота. И лишь день или два спустя, когда автобус пропал бы, он бы заметил, что после него на гравии не осталось следов. Большинству людей всё это показалось бы невозможным. Но даже не обнаружив следы колёс, Доктор придумал бы три прекрасных гипотезы, объясняющих, как автобус сюда попал и как он затем пропал. Наименее вероятное объяснение — что автобус просто возник из ниоткуда — было бы самым правдоподобным из них. Подъёмного крана ведь нет. А падать с неба автобусу не с чего. Но, так как этого не было, нам об этом можно забыть. По причинам, которые скоро станут ясными, внимание Доктора привлекла женщина.

Когда её увидит Миранда — а это произойдёт через минуту или две — она тут же узнает женщину. Ведь это, в конце концов, была середина восьмидесятых, плюс-минус год. Книга Джейн Фонды об аэробике лежала непрочитанной на четырёх миллионах журнальных

столиков. А эта женщина была поразительно похожа на Джейн Фонду. Во всём пространстве и времени вселенной было не так уж много мест, где кто-то мог заметить это сходство. Лишь несколько десятилетий истории Земли. И даже в эти десятилетия не все на Земле заметили бы связь.

Но Миранда заметила.

А когда Айрис увидела Миранду, она тоже увидела сильное сходство с кинозвездой. В свои шестнадцать лет Миранда была поразительно похожа на юную Джоди Фостер. Миранде часто говорили об этом сходстве, хотя она была выше ростом, а волосы у неё были светлые.

К счастью для всех, ни Айрис ни Миранда не видели фильм «Мятежник с моноклем», и канал BBC1 субботними вечерами они тоже не смотрели.

Доктор осмотрел женщину с ног до головы. У неё были длинные золотистые волосы, большие карие глаза и полные губы. Но даже Доктор больше внимания уделил её одежде. Судя по виду, она была из крокодильей кожи, но — и на это была причина — этот крокодил был родом из тех мест, где крокодилов делают из флуоресцентного полихлорвинила. Одежды на ней было не так уж много — видимо, из заботы о животных. Руки у неё были обнажены, а юбка заканчивалась... как бы это сказать деликатнее... бахрома юбки висела чуть ниже её талии, отчего длинные ноги казались почти неестественно длинными. Большинство мужчин заметило бы, что юбка едва скрывала её довольно необычные трусы, но Доктор мог на это внимание и не обратить — кто знает, что у него в голове творится? На ногах у неё были зелёные сапоги, выглядевшие на фоне всего остального довольно практичными.



— Мы с вами знакомы? — спросил Доктор.

Если бы это спросил кто-нибудь другой, вопрос можно было бы считать риторическим. Но по причинам, которые скоро станут ясны, Доктор действительно не знал ответ на этот вопрос.

Айрис Уайлдтайм тепло рассмеялась и представилась.

— Нам лучше зайти, — предложила она.

И только тогда он заметил её чемодан, который она потащила в прихожую.

— Какой милый дом, — сказала она. — И у тебя, смотрю, всё ещё эта полицейская будка, — она указала большим пальцем за плечо, в сторону сада.

— Вы знаете о ней? А что она такое?

— О боже, у тебя настолько серьёзная амнезия? У тебя к ней предрасположенность, да?

— Правда? Я не помню.

Айрис хлопнула в ладоши и рассмеялась:

— Но своё умение остроумно ответить ты не растерял. Отлично! Ах, да, это уже который... третий раз ты потерял память, да? Или?.. Я не помню. Так ты себе прозвище зарабатываешь. Людям нравятся ёмкие описания: «тот, с седой шевелюрой», «тот, с флейтой», «тот, который появился всего на несколько секунд во время благотворительного выпуска, но был лучше всех». Если ты о себе не позаботишься, ты станешь «тем, кто всё время теряет память». Ух ты... А это кто?

Это была Миранда. Услышав шум, она спустилась в гостиную. А как она выглядит, вы уже знаете, потому что я её уже описывал.

— Школьная форма, — сказала Айрис, легко толкнув локтём Доктора. — У тебя всегда была слабость к этому. Все эти спутницы, одевающиеся так, словно они в два раза моложе. И эта такая же. Сколько тебе лет, дорогуша? Двадцать семь с претензией на пятнадцать? Ты не обязана делать всё, что говорит этот ужасный мужчина. Как тебя зовут?

— Миранда.

Айрис энергично пожала ей руку:

— Приятно познакомиться. А фамилия у тебя есть, или ты одна из тех, кто её не помнит?

Миранда назвала Айрис свою фамилию. Сильно не расстраивайтесь и не забрасывайте меня письмами, но она сказала следующее:

— Я Миранда Кто. Дочь Доктора. А в школьную форму я одета потому, что только что вернулась из школы.

Айрис посмотрела на неё, потом посмотрела на Доктора.

— Великий Галлифрей! — сказала она и тут же закрыла ладонью рот. — Простите. Мне больше так нельзя выражаться. Скипетр Рассилона! Нет... э... мадрид твою лиссабонь, профессор. Это считается? — спросила она, глядя на потолок.

Доктор нахмурился:

— Чем считается?

Айрис велела ему молчать и какое-то время ждала чего-то.

— Нет. Пронесло. Дочка, значит? Вот так история! Готова поспорить, что в коротком рассказе такое не опишешь.

— Это бы целую книгу заняло, — согласился Доктор. — Или, по крайней мере, её первые сто двадцать девять страниц. Я объясню позже.

Айрис широко улыбнулась:

— Ну конечно объяснишь. Я уже почти забыла об этой твоей черте. Ну, ты знаешь, — она толкнула его локтём. — О том, что... ты знаешь.

— Боюсь, я не знаю, о чём вы говорите.

Айрис постучала пальцем по носу:

— Ни слова о её мамочке. Я прибыла не для того, чтобы ты мне всё объяснял, я прибыла для того, чтобы помочь тебе. Соединить фрагменты мозаики. Дать пинка твоей памяти. Ты сейчас застрял на Земле, так? Ты получил записку?

— Вы знаете о записке?

— Я знаю того, кто её написал. Вообще-то, я его едва не узнала в библейском смысле этого слова. Он очень долго пытался забраться ко мне под юбку.

— Может быть, его просто алмазы интересовали, — сказала Миранда, в отличие от Доктора заметившая, что трусы из чёрного сатина у Айрис украшены драгоценными камнями.

— О нет, его намерения были исключительно бесчестными, — сказала Айрис Миранде, и та покраснела.

Миранда настолько смутилась, что даже не решилась задать второй вопрос: «Почему алмазы расположены в виде вопросительного знака?» — и поэтому так и не узнала, что это был подарок от поклонника. Третий вопрос Миранда тоже не задала, но он был всего лишь о том, как такие трусы правильно стирать.

Айрис переключила всё своё внимание на Доктора.

— Я могу рассказать тебе всё, что кажется тебе смутным.

— Хм... А это много времени займёт?

— О да. Возможно, недели. У тебя найдётся свободная комната?

— Шесть.

— О. Жаль. Ну ладно, берёмся за дело.

Десять минут спустя Миранда занесла в гостиную поднос. На нём были древний чайник, чашки и блюда из китайского фарфора и бисквиты «Киплинг», к которым Доктор был так равнодушен. Не переживайте, это не

отсылка и не шутка для своих, можете не проверять. Просто они ему нравились.

Доктор и Айрис сидели на диване, и хотя большинство мужчин при этом заглядывали бы Айрис под юбку, Доктор сидел с озадаченным видом.

— Так это произошло или нет? — спросил Доктор.

— Что именно?

— Ну, если времени не позволили течь по его истинному пути, это значит...

— Ты что, серьёзно не знаешь, что такое парадокс? — ошеломлённо спросила Айрис. — Они называли себя «Парадокс». Это что, само за себя не говорит? Вот уж не думала, что придётся тебе ещё и смысла слов объяснять.

— Утверждение, которое противоречит само себе или кажется абсурдным, — заявила Миранда.

— Вот именно, — сказала Айрис.

— Вы хотите сказать, что то, что произошло, противоречит само себе?

— Да. Определённо.

— Определённо парадоксально? — спросила Миранда.

— А это разве само по себе не парадоксально?

Айрис широко улыбнулась:

— Вот видишь, она понимает!

— Не понимаю, — призналась Миранда.

— Понимаешь. Разве неясно? Логика то есть, то её нет, к этому привыкаешь.

Доктор нахмурился:

— А мы можем вернуться к прошлому?

— Если ты так хочешь. Насколько далеко ты хочешь вернуться, Доктор? Я тебя верну. К самому твоему началу! Назад! Назад!

— А почему вы так руками размахиваете? — спросила Миранда.

— Просто для создания правильной атмосферы, дорогая.

— Почему я потерял память? — спросил Доктор.

— А, — Айрис замолчала, возможно впервые за всё это время.

— Я именно это хочу узнать, — сказал Доктор. — Удар по голове? Психологическая травма? Какая-то машина, которая отбирает память?

— Ну, ничего из вышеперечисленного. Просто потерял и всё.

— Просто потерял? — повторил Доктор. — Это вообще не объяснение.

— Слушай, если честно, об этом я не знаю. Я к тому времени запуталась и могла что-то пропустить. Это как-то связано со сделанным тобой выбором. Когда ты сражался с Дедом.

Миранда засмеялась:

— Папа дрался с пенсионером?

— Нет, — сказал Доктор, — на самом деле он не был дедом. Он был мною, только с короткими волосами. Кажется.

— Последний раз говорю, дело было не просто в волосах. Это был будущий ты. Злой ты. Но теперь это будущее не произошло. Он мог быть тобой из параллельной вселенной. И уж точно он был из параллельного таймлайна,

который теперь уже не произошёл, но он мог быть тобой из параллельного таймлайна в параллельной вселенной, где всё произошло иначе; разумеется, до тех пор, пока ты не сделал то, что ты сделал, и они не стали одинаковыми. Но это само по себе могло быть изначально отдельным параллельным континуумом, тем, в котором ты остался дома и тосковал о своей погибшей жене. Если же Дед не был тем тобой, то он наверняка ходил в ту же парикмахерскую. Но статус того тебя всё ещё неопределённый. Я думала, что он был будущим тобой, но то, что произошло, это исключает. Разве что события произойдут и восстановят, знаешь, *штуку*, но если бы это произошло, ты бы почти наверняка больше не был тобой. Ты был бы тем новым тобой. Но тот ты не был злым тобой. Так что тот ты мог быть версией одного из тех, кто был в изначальной истории, ну, знаешь, в которой Боруса — твой духовный наставник. Тогда выходит, что он — то есть ты, вернее, тот конкретный ты, а не теперешний ты — это до-канонический ты, а не пост-канонический. Если, разумеется, считать его каноническим. Но мы должны так считать, потому что иначе можно с таким же успехом сказать, что логики вообще нигде быть не должно, — услужливо объяснила Айрис.

— Боже упаси! — ответил Доктор. — А кто такой, говоришь, Иззи?

Айрис закатила глаза:

— Забудь об Иззи. Забудь о Чарли. Забудь о Бенни... Нет, стоп, о Бенни не забывай.

— Я не помню Бенни, — сказал Доктор.

— Ясно. Ты всех Бенни не помнишь?

— Что-что?

— Ничего страшного, если ты не помнишь Бенни, когда она была без тебя на Гернси. Ничего страшного, если не помнишь Бенни, которая путешествовала с тобой (за исключением того случая в 1997 году), которую ты высадил на Делле в 2593 году. Что же касается той, которая сражалась с тобой против Бича... её, наверное, ты можешь помнить, если хочешь, я не думаю, что это важно, — Айрис повернулась к Миранде: — У меня возникло ужасное подозрение. А твою маму, случайно, не Бенни звали?

— Бенни — это женщина? — спросил Доктор.

— Доктор, она от тебя тринадцать детей родила, а ты даже... Забудь, что я это говорила. Этого не было. Ты даже не... А хотя стоп, было. Один раз. Или это была другая бутылка?

— Бутылка? — спросила Миранда.

— Я объясню позже, — улыбаясь, сказала Айрис. А затем у неё вытянулось лицо: — О нет, что я говорю, я же сама никогда не понимала про эти бутылки. Забудь о бутылках. Забудь о большинстве Бенни. Вот, для простоты: если она не похожа на Эмму Томпсон, можешь всё забыть.

— Да уж, полезный совет, — иронично сказал Доктор.

— Сейчас я всё объясню, — ответила Айрис. — Миранда, дорогая, не нальёшь нам чаю? Кажется, вечер у нас будет долгий.